

**НИКОЛАЙ РЕРИХ И ПОЭТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА:
АЛЕКСАНДР БЛОК, СЕРГЕЙ ЕСЕНИН,
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ**

В. А. Жилкин

Подготовка текста, вступительная статья и публикация *С. Г. Чекрыжова*
Вирумааский колледж Таллиннского технического университета,
Кохла-Ярве, Эстония

В публикации представлена неопубликованная статья лауреата премии имени Н. Рериха В. А. Жилкина, в которой проводится культурологический анализ преемственности идей поэтов Серебряного века: А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского и Н. Рериха в духовной революции России, что актуально для современного культурного и образовательного пространства русского мира зарубежья.

Ключевые слова: поэзия Серебряного века, А. А. Блок, С. А. Есенин, В. В. Маяковский, духовная революция, Н. К. Рерих, «Живая Этика».

Владимир Александрович Жилкин — член Союза писателей России и объединения русских литераторов Эстонии, лауреат Международной премии имени Николая Рериха. Автору этих строк посчастливилось знать В. А. Жилкина, в течение более десяти лет работать с ним, быть соавтором концепции и составителем литературно-художественного и публицистического сборника Ида-Вирумаа «Полисветие» (см. об этом: *Чекрыжов С. Г.* О концепции одного русскоязычного литературно-художественного альманаха в Эстонии // *Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр.* Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. Вып. 3 (9). С. 100), участвовать в его авторских синтез-программах, видеть, как его идеи — Созидателя, Подвижника, Философа и Поэта — реализуются в практическую деятельность на благо духовного образования и культуры. Его многолетняя культурологическая деятельность в Ида-Вирумаа заслуживает сейчас особого внимания и попечительства. Духовный настоятель созданного им Храма Культуры — центра мультикультурного духовного образования в техническом учебном заведении, при всей своей разносторонней деятельности, был и тонким аналитиком-культурологом, знавшим и любившим русскую литературу и поэзию. В свое время В. А. Жилкин участвовал в семинаре Льва Озерова в Литературном институте им. М. Горького (Москва), состоял в литературном объединении при Московском доме ученых. Его публикации вошли в первый том академической антологии «Современное русское зарубежье. Проза и поэзия» (М., 2006). Рериховское высказывание «Осознание Красоты спасет мир» было фактически святым девизом его жизни. Одна из его статей — «Николай Рерих и поэты Серебряного века: Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский» — была подготовлена для очередного сборника «Полисветие», но не опубликована. Проблема духовного возрождения, современной культурной революции, преемственности идей великих людей российской культуры, живших в переломные периоды истории, поднятая в этой статье, настолько актуальна для современного культурного и образовательного пространства русского мира зарубежья, что не поделиться таким литературным наследием глубоко несправедливо по отношению к памяти этого замечательного человека.

Высокой была миссия Маяковского: среди насилия и крови (пусть и революционных) утверждать спасительную роль Любви, утверждать этим грядущую духовную революцию. За нее Маяковский, как Блок и Есенин, расплатился своей судьбой. Их (и не только их) убило «отсутствие воздуха», та атмосфера, в которой духовные идеалы революции были отброшены. Все трое были духовными символами своего времени. Блок вообще обладал своеобразной духовной властью в России. Известно предложение, сделанное Блоку от имени прогрессивных сил России накануне Революции: взять власть в свои руки, на что Блок ответил, что он и сам об этом думал. Глубокий анализ состояния царской России в его статье «Последние дни императорской власти» может указывать на это. Есенин породил «есенинщину» — своеобразное духовное движение с некоторым негативным оттенком. Не случайно поэзия Есенина в тот период, когда она была запрещена, стала очень популярной в многочисленных сталинских лагерях как символ сопротивления советской власти, а на «воле» распространялась изустно или в рукописной форме, за что можно было получить срок. Маяковский в 20—30 годы был очень популярен среди молодежи, он даже получил в молодежной среде кличку «Маяк» как символ устремления к неким новым берегам жизни. Не случайно на выставку в Политехническом музее, организованную поэтом незадолго до гибели и посвященную 20-летию его творческой деятельности, куда были приглашены и ведущие партийные деятели, пришла в основном молодежь, а «верхи» выставку проигнорировали. И не случайно в оценках некоторых современных историков Великая Октябрьская социалистическая революция превратилась в «октябрьский переворот», т. е. просто поменялась власть, а все проблемы, которые революция должна была решить, не только не были решены, но еще больше углубились, а о духовных проблемах было вообще забыто. Об этой трагедии, трагедии духовного бессилия, характерного и для всех предшествовавших кровавым социальным революциям, написано достаточно. Вот как это выражено Л. В. Шапошниковой в книге «Тернистый путь красоты»: «Социальная революция 1917 года в России, с ее старым социологическим миропониманием, ставила перед собой в основном материальные цели и пренебрегала духовным смыслом грядущего Нового мира. Новое космическое мышление, которое зарождалось в поле Духовной революции, было чуждо руководителям и участникам революции социальной. В результате обе эти революции, совпавшие во времени и пространстве, оказались резко противоположными друг другу не только по идеологиям и целям, но и по используемым средствам. Те, кто представлял Духовную революцию — поэты, художники, философы, пророки, — звали к восхождению и говорили о духовных крыльях Нового мира. Те же, кто участвовал в социальной революции, наоборот, искали Новый мир на окровавленной земле среди обломков старого мира. В апокалиптической ночи шла борьба между крылатыми, звавшими вверх — туда, откуда на землю лился свет Высокого Инобытия и где сверкала лиловая звезда нового творчества, — и бескрылыми, не признававшими ничего, что не

укладывалось в рамки их плоского маломерного мышления. Первая схватка между ними кончилась поражением крылатых, их трагической гибелью, их жертвоприношением» [10, с. 18—19].

Вместо красоты преобразования жизни было явлено великое безобразие, отравившее тело, разъедающее душу и закрывающее проявления духа. Означает ли ситуация в современном мире окончательную победу бездуховных (антидуховных) сил? Думается, что борьба за победу светлых сил в человеке и в человечестве сегодня является напряженной как никогда. Альтернатива в этой борьбе однозначна: или победа сил Света, или гибель человечества. Поэтому осознание обстоятельств и причин поражения Духовной революции в России очень важно. Носители идей Духовной революции воспринимаются нами за далью времен как некое Единое целое. Но было оно реально? И насколько сегодня такое Единение есть? Или насколько оно осуществимо? Ведь от Единения зависит и победа. Может быть, отсутствие такого Единения и было одной из причин поражения Духовной революции? Здесь очень уместно проанализировать взаимоотношения между носителями идей духовной революции, между теми же Блоком, Есениным и Маяковским, которые были отнюдь не однозначны. Между Есениным и Маяковским были настоящие поединки, сражения, сопровождавшие их выступления, так как они выражали интересы разных слоев населения России (образно: «коровезы», как называл лагерь Есенина Маяковский, и «агитезы», как в ответ называл лагерь Маяковского Есенин). Были между ними и сближения, и это тоже надо исследовать.

Была ли основа для объединения духовных сил России во время свершения социальной революции? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы можем подойти и к ответу на актуальнейший вопрос нашего времени: есть ли такая основа сейчас? Думается, что такая основа была тогда и имеется сейчас, проблема заключается только в реализации возможностей. А основой являются все светлые духовные учения, которые во множестве давались человечеству на всех этапах исторического продвижения в соответствии с уровнем развитости того или иного региона, народа, страны, человечества в целом. Конечно, эти учения влияли на расширение сознания людей и как-то смягчали апокалиптическое движение человечества к пропасти. Но движение к пропасти продолжается, мы видим наглядно все признаки духовного разложения, духовной деградации. Это было видно для многих и в годы, предшествовавшие революции 1917 года в России, поэтому от революции ждали осуществления своеобразного «царства Божьего на Земле». Но царство Духа невозможно осуществить на основе чисто материальных устремлений, на основе материального богатства, к чему повернула поток человеческой энергии социальная революция...

Рерих жил в ту же самую эпоху революционных бурь, был свидетелем и участником тех же событий, свидетелями и участниками которых были Блок, Есенин и Маяковский; как и они, Рерих был человеком искусства, причем одной из самых ярких фигур в художественной жизни России. И было бы интересно и по-

лезно проследить их жизненные и творческие связи, сопоставить их духовные пути, устремления и свершения, их духовные и жизненные сближения и отклонения. Это помогло бы сделать и определенные выводы в плане приближения к решению проблемы духовной революции. Этому должна быть посвящена отдельная большая работа. В нашей работе попытаемся только вкратце наметить пути.

Наибольшая близость была у Рериха с Блоком. Жизненные и творческие пути Николая Рериха и Александра Блока не раз шли рядом. Восемь раз упомянуто имя Рериха на страницах 8-томного собрания сочинений Блока. Но какие это упоминания! Незадолго до смерти в своей последней статье «Без божества, без вдохновенья» Блок очень точно определяет характер творчества Рериха как синтез и ставит Рериха в один ряд с самыми выдающимися представителями русской культуры [1, 6: с. 175—176]. В 1907 г. Рерих выполнил для фронтисписа к сборнику Блока «Итальянские стихи» рисунок, которым Блок чрезвычайно дорожил. Рерих в своих статьях неоднократно называл Блока своим близким другом, с которым его «связывали особенно тесные отношения». Такие отношения были основаны на глубоком духовном родстве. Мир Высший, мир Духа (миры Тонкий и Огненный) был естественной реальностью как для Рериха, так и для Блока. Их сближало единое видение и чувство этого мира, что неоднократно подчеркивал Рерих в своих статьях: «Вспоминаю, как один из моих покойных друзей, прекрасный поэт Александр Блок, однажды перестал ходить на религиозно-философские собрания. Когда же его спросили о причине отсутствия, он сказал: “Потому что они говорят там о Несказуемом”. Это великое Несказуемое было для него полной Реальностью. Поистине, всем тонким чутьем поэта он чувствовал словесную грубость суждений о таком Тонком, о таком Беспредельном, которое звучит в сердце [8, с. 61]. «Много раз Блок повторял видение о лучах, о свете, об огне, преображающем мир <...> И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый луч, процветший огнем, — все эти вехи Блок знал как нечто совершенно реальное. Он не стал бы говорить о них аптечными терминами, но понимал их внешнюю несказуемость и внутреннюю непреложность» [8, с. 13—14].

«Живая Этика», данная в первые послереволюционные годы, была вестью о Новом Мире, построение которого мыслилось именно на духовной основе. Блок был страстным носителем этой вестии о Новом Мире в своем творчестве. Через испытание земного яда Блок пронес эту весть до конца. Актуальность творчества Блока для наших дней заключается в том, что он пророчески увидел в разрушительной стихии революционных лет строительное начало, основанное на космических и земных закономерностях духа, увидел то, что не смогли увидеть многие другие строители, отбросившие главное, то, что и дало бы осуществление заложенного в глубинном смысле происходящего. Устремленность творчества Блока была устремленностью в будущее: «Человек есть будущее <...> Нет будущего — значит, нет человека <...> Будем верны будущему. Если в современной противоречивой и вялой жизни многое тонкое и высокое бессильно сказать нам о будущем, будем беречься

его» [1, 8: с. 384—386]. Неся весть о Новом Мире, Блок, конечно, не мог не думать о человеке новой формации, соответствующем этому Новому Миру, которого он называл «человек-артист», это та «третья сила», которая и должна была определить победу духовной революции. Это человек с космическим мироощущением и раскрытыми духовными органами восприятия мира: «Нам не нужно никакого равновесия, чтобы жить в днях, месяцах и годах, эта ненужность затраты творчества быстро низводит большинство цивилизованных людей на степень обывателей мира. Но нам необходимо равновесие для того, чтобы быть близкими к музыкальной сущности мира — к природе, к стихии; нам нужно для этого прежде всего устроенное тело и устроенный дух, так как мировую музыку можно услышать всем телом и всем духом вместе. Утрата равновесия телесного и духовного неминуемо лишает нас музыкального слуха» [1, 6: с. 101—102]; «В бесконечной глубине человеческого духа, в глубине, недоступной для слишком человеческого, куда не достигает ни мораль, ни право, ни общество, ни государство, — катятся звуковые волны, родные волнам, объемлющим вселенную, происходят ритмические колебания, подобные колебаниям небесных светил, глетчеров, морей, вулканов» [1, 7: с. 404—405]. Все это очень близко к положениям «Живой Этики», которая была обнародована уже после смерти Блока и была направлена на формирование человека именно такого плана. Духовная революция должна была победить прежде всего в самом человеке. Отвергнутая социальной революцией, она переносила свои идеи в будущее. И это Блок также прекрасно понимал: «Далеко не все черты новой эры определились. Нам предстоит много неожиданного: предстоят события, ставящие крест на жизнях и мирозерцаниях дальновиднейших людей, что происходило уже в ближайшие к нам годы не однажды <...> Не все черты нового мира определились отчетливо, <...> музыка еще заглушена, <...> имени он еще не имеет, <...> третья сила далеко еще не стала равнодействующей и шествие ее далеко не опередило величественных шествий мира сего» [1, 6: с. 158—159]. Во имя рождения этой третьей силы и была дана «Живая Этика», что подтверждает глубинное родство творческих усилий Блока и Рериха. Подробнее об этом духовном родстве, о родстве творчества Блока и положений «Живой Этики» смотрите статью «Николай Рерих и Александр Блок» [4].

Глубоким космическим и духовным чутьем обладал и Сергей Есенин. Его сближения с Рерихом менее выражены, чем у Блока. Но направленность мировоззрения и устремленность творчества также были близки. Не случайно, наверное, авторы книги «Жизнь Есенина» поставили имена Есенина и Рериха в один ряд с теми, кто представлял в искусстве тех лет лицо России и русского народа: «Мистическая, экзальтированная любовь к России во время войны достигла своего апогея. Иконы Нестерова и Васнецова, картины Билибина и Рериха, увлечение вышедшим из олонецких лесов Николаем Клюевым, новые дворцы в древнерусском стиле — всё это как бы увенчалось появлением чудесного гостя, вестника, гения из народа, который, в отличие от Клюева, завоевал не только умы, но и сердца пресыщенных искусством петербуржцев» [5, с. 62—63]. Поэт Сергей Горо-

децкий в своих воспоминаниях о Есенине говорит о некоей реальной творческой группировке, в которую входили в том числе Есенин и Рерих: «Группа эта все росла и крепла. В нее входили, кроме Клюева и Есенина, мой сосед по камере в Крестах, ученик и друг Борис Верхоустинский, Сергей Клычков и Александр Ширяевец. Все были талантливы, все были объединены системой песенно-былинных образов. Кроме меня, верховодил в этой группе Алексей Ремизов и не были чужды Вячеслав Иванов и художник Рерих» [2, с. 181]. Это интересный факт, он очень важен и требует определенного исследования, которое может дать дополнительную глубину тому, что мы знаем на сегодня как о Есенине, так и о Рерихе, и особенно в плане нашей темы о корнях, истоках духовной революции и о ее перспективе. Об этих истоках хорошо сказала Надежда Вольпин, когда она сидела вместе с Есениным и Мариенгофом возле памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве: «Он <Есенин> старше нас на много веков <...> Нашей с вами почве — культурной почве — от силы полтора года лет, наши корни в девятнадцатом веке. А его вскормила Русь, и древняя и новая. Мы с вами россияне, он русский» [цит. по: 5, с. 13]. В полной мере это относится и к Рериху, это и сближало их в самой сути их творческого и духовного призвания: за спиной Рериха и Есенина стояли личные тысячелетние духовные накопления, это и давало им такую мощь творчества. По «Живой Этике» Есенин есть Иван Сотысячный. Сближала Рериха и Есенина и тяга к Востоку как к самым древним историческим и генетическим корням Руси-России. В этом плане цикл стихов Есенина «Персидские мотивы» не случаен. Не случайно его революционная поэма «О великом походе» заканчивается как-то неожиданно восточным мотивом: «В берег бьет вода / пенной индевью... / Корабли плывут / будто в Индию». Здесь Индия выступает как образ-символ духовности, что опять же является подтверждением того, что в революции Есенин выделял как самое главное духовную направленность. У Есенина была определенная тяга к советским писателям этого восточного направления, в частности к Всеволоду Иванову, который был очень близок к Рериху, к идеям «Живой Этики», написал о Рерихе одну из самых первых значительных книг. Всеволода Иванова Есенин считал самым крупным писателем своего времени, именно с ним он хотел издавать самостоятельный журнал, вокруг которого должны были, по мысли Есенина, сплотиться все передовые творческие силы советской России. В статье «О советских писателях» Есенин отдает приоритет именно Всеволоду Иванову: «Иванов дал Сибирь по другому рисунку, чем его предшественники Мамин-Сибиряк, Шишков и Гребенщиков, и совершенно как первый писатель показал нам необычную дикую красоту Монголии <...> Наряду со своими рассказами и повестями он дал ряд прекрасных алтайских сказок» [3, 5: с. 76]. Этот акцент на алтайских сказках тоже значителен как показатель провидческой духовной ориентации Есенина: известно, что с Алтаем Рерих связывал будущее России (и в первую очередь духовное). Это отмечают и Куняевы в своей книге: «Есенин <...> в повестях и рассказах Вс. Иванова отметил “помимо глубокой талантливости автора” еще и “географическую

свежесть” России азиатской, “по ту сторону Урала”» [5, с. 419]. Знаменательно и упоминание Есениным в своей статье имени писателя Гребенщикова, который, как известно, был духовным учеником Рериха.

Это все более или менее внешние схождения Есенина и Рериха. Гораздо глубже схождения по внутренней сути творчества. Многие высказывания и образы Есенина очень близки текстам «Живой Этики». Это и мысль о том, что в поисках любой гармонии (социальной или какой-то иной) надо в первую очередь «открыть сердце» и «преобразиться», ибо только тогда, когда «опалят уста огня людскую страсть и стыд», можно будет говорить о вознесении человека в иную страну — «в синих рощах скит», т. е. в страну высокой духовности; это и мысль о необходимости построения моста в Мир Невидимый; это и наблюдение самого Всеволода Иванова о том, что Есенин, как и Рерих, был соткан из Огня. У Есенина это понимание того, что для построения Нового Мира нужны личности равные или подобные Жанне д’Арк: «Эта Жанна д’Арк предлагает встать в общем кличе и служить той святыне, за которую полки стремятся врага встречать» [3, 5: с. 270]. Самая большая мечта Есенина с юношеских лет была мечта о духовном подвиге, через все свои мытарства, заблуждения и падения, через испытание земного яда он пронес нерушимо эту мечту. И в конце жизни не случайно выразил это восточным символом в своем кратком, как хокку, стихотворении: «Жизнь такую, как Ли Пу, я не сменяю на другую никакую». Ли Пу — китайский поэт, сливший себя с Космосом, нырнув в пруд с отражением Луны. Так и Есенин мечтал проклянуться в небо, достать небо, соединить его с землей. В этом смысл его космических поэм периода социальной революции. Рерих проклянулся в небо, стал духовной силой России; Есенин об этом мечтал. Есенин прекрасно понимал, что чаемая духовная революция — впереди, и хотел быть полноправным участником этой революции. О личных встречах Есенина и Рериха пока никаких сведений мы не имеем, хотя, скорее всего, они были.

С большей уверенностью можно говорить о встречах с Рерихом Владимира Маяковского. Эти встречи могли быть в марте 1917 г. в связи с созданием органа по охране художественных ценностей. Начиналось это 4 марта, когда на квартире М. Горького собралось 50 человек художников, которые выбрали Комиссию из 12-ти человек, вскоре расширившуюся до 20-ти; она приобрела государственный характер и стала называться «Особым совещанием по делам искусств при Временном правительстве». В состав 12-ти вошел и Николай Рерих. По свидетельству художника А. А. Радакова, Маяковский был на совещании у Горького 4 марта и резко критиковал доклад А. Н. Бенуа. После того как Временное правительство согласилось с необходимостью принять меры к охране художественных ценностей, был образован Комиссариат по охране художественных ценностей, в который вошел и Рерих, а 10 марта был избран Временный комитет по созыву собрания всех деятелей искусств, в Президиум которого вошли Маяковский и Блок. Конечно, не случайно Рерих, Блок и Маяковский активно участвовали в одном и том

же деле именно как крупные деятели культурного и духовного фронта в условиях совершившейся революции. Для Рериха борьба за охрану культурных сокровищ стала делом жизни, делом жизненного подвига и увенчалась созданием международного юридического документа, получившего название Пакта Рериха с последующим созданием соответствующих международных и региональных организаций, многие из которых сохраняют свое значение и действуют до сегодняшнего дня. Рерих в статье «Итоги» (1935), посвященной деятельности различных учреждений, групп и отдельных лиц, объединившихся вокруг Пакта, писал: «От настоящего хочется заглянуть в далекое прошлое. Хочется вспомнить хоть некоторых из множества друзей и пособников при самом зарождении этой идеи» [7, с. 216]. И первым Рерих называет Блока: «Много хороших людей мыслило в тех же направлениях; были душевные беседы и с А. Блоком, и с Леонидом Семеновым-Тянь-Шанским...» [7, с. 217]. Рерих не упоминает Маяковского. Важно то, что Маяковский был прямым участником того движения, которое мы сегодня знаем как Пакт Рериха, в те годы, когда оно зарождалось как один из аспектов духовной революции.

Была еще одна общая грань в мировоззрении и творчестве Маяковского и Рериха, которая является очень важной и может перевешивать все возможные несхождения, касающиеся особенностей понимания строительства жизни на основах духовного преображения человека и общества. Мы уже на нее указали. Маяковский называл это вечно новым словом Любовь. В «Живой Этике» этому посвящена отдельная книга — «Сердце». Если применять положения этой книги к жизни и творчеству Маяковского, то его жизнь и творчество будут прекрасной иллюстрацией к этим положениям. Это может быть темой отдельного интересного исследования. Приведем хотя бы одно положение из книги «Сердце», под которым мог бы подписаться и Маяковский: «Видеть глазами сердца; слышать гул мира ушами сердца; прозревать будущее пониманием сердца; помнить прошлые накопления сердцем — так нужно стремительно идти путем восхождения. Творчество обнимает огненный потенциал и насыщается сокровенным огнем сердца» [9, § 1].

Рерих, Блок, Есенин, Маяковский прозревали будущее через осуществление духовной революции, хотя пути такого осуществления в их представлениях могли и не совпадать. Важно, что эти пути были намечены. Их опыт очень важен для осознания характера нашего времени и для уяснения, что и как нужно сделать для того, чтобы их устремления и мечты осуществились, чтобы проявила себя та сила, которую Блок называл «третьей силой», которую Есенин и Маяковский обозначали каждый по-своему, в конечную победу которой они страстно верили. В «Живой Этике» также утверждается победа духовных сил: «Если б представить решающий момент России, то лишь опытный ученик понял бы его» [6, с. 85]. И у Блока, и у Рерихов этот «решающий момент России» связывался с Куликовской битвой, которой суждено возвращение. Александр Блок умер с сознанием, что «Россия уже заразила здоровьем человечество», что победа, одержанная 8 сентября 1380 г. на

Куликовом поле, есть залог грядущей победы России в той Духовной битве, которую ведет сейчас человечество.

Духовная битва на современном этапе — это прежде всего борьба за формирование человека нового типа: с раскрытым сердцем, с расширенным сознанием, с утонченным мышлением и чувствованием; за человека, вместившего в себя все достижения мировой культуры во всех областях. Это можно осуществить в первую очередь через воспитание и образование, соответствующие этим требованиям. В Новой школе будет осознано наследие всех Вестников Нового Мира, Подвижников Духа, великих творцов Будущего, и в том числе таких близких друг другу «художников жизни», как Рерих, Блок, Есенин, Маяковский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.— Л.: ИХЛ, 1960—1963. Т. 6. 1962. 556 с.; Т. 7. 1963. 544 с.; Т. 8. 1963. 771 с.
2. Городецкий С. М. О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 179—186 (Лит. мемуары).
3. Есенин С. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Автобиографии, статьи, письма / под. общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.]; подгот. текста и примеч. А. А. Козловского [и др.]. М.: Худож. лит., 1962. 454 с.
4. Жилкин В. А. Николай Рерих и Александр Блок // Петербургский Рериховский сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. Вып. IV. С. 230—254.
5. Куняевы С. Ю., С. С. Жизнь Есенина: Снова выплыли годы из мрака... М.: Центрполиграф, 2001. 608 с.
6. Листы Сада Мории. Кн. 1: Зов. 1924. М.: МЦР; Фирма БИСАН; Мастер-Банк, 1994. 176 с. (Учение Живой Этики).
7. Рерих Н. К. Врата в будущее. Рига: Виета, 1991. 227 с.
8. Рерих Н. К. Твердыня Пламенная. Рига: Виета, 1991. 272 с.
9. Сердце. 1931—1932. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1995. 356 с. (Агни Йога).
10. Шапошникова Л. В. Тернистый путь Красоты. М.: МЦР; Мастер-Банк, 2001. 752 с.